

Глава 10

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Влияние демографического фактора на течение исторического процесса отмечалось многими философами, начиная с античных времен. В трудах Платона, Аристотеля, Хань Фэй-цзы рост численности населения связывался с опасностью перенаселения, которое приводило к нехватке пахотных земель, к недостатку продовольствия, бедности, голоду и восстаниям бедняков.

Начало исследования проблемы перенаселения в новое время связано с именем одного из основателей демографической науки, Томаса Мальтуса. Главный постулат Мальтуса заключался в том, что *«количество населения неизбежно ограничено средствами существования»*. Однако великий закон природы состоит «в проявляющемся во всех живых существах стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Это приводит к нехватке продуктов питания, что в развитых обществах отражается на росте цен и ренты, падении реальной заработной платы и уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет за собой приостановку роста населения или его сокращение до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается – но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения» (Мальтус 1993: 18–22).

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской (Рикардо 1955). Важно, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1).

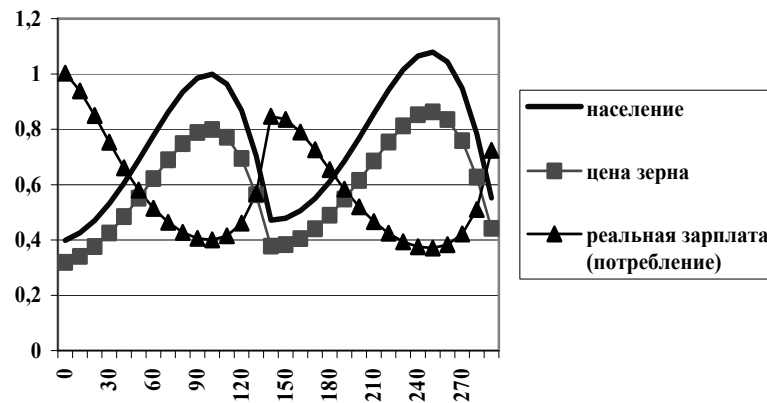

Рис. 1. Демографические циклы по теории Мальтуса – Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется

Первая мировая война, голод и революции 1917–1922 гг. дали идеям Мальтуса новую жизнь. Выдающийся экономист Джон Мэйнард Кейнс, проанализировав данные статистики, показал, что накануне войны в Европе наблюдались признаки перенаселения, что именно перенаселение в конечном счете вызвало Первую мировую войну и революцию в России.

«Население европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население Германии, – писал Кейнс. – В 1890 г. оно было меньше 100 млн, а накануне войны оно дошло почти до 150 млн; в годы, непосредственно предшествующие 1914 г., ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... *Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения, а также прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей...* Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются, быть может, *гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности*

Ленина или заблуждений Николая... Голод, который приводит одних к летаргии и безнадежному унынию, вызывает в людях иного темперамента расстройство нервов и истерию, доходящие до безумного отчаяния. Доведенные до крайности, они могут уничтожить последние остатки организации и саму цивилизацию...» (Кейнс 1924: 6, 124).

Сходных идей о причине Первой мировой войны придерживался известный социолог Питирим Сорокин. Привлекая статистические данные, П. Сорокин показал, что душевое производство зерновых по всему миру перед войной не превосходило 18 пудов, а производство картофеля – 6 пудов, то есть потребление находилось на уровне голодного минимума. Если же учесть неравенство в потреблении, то это означало, что многие миллионы людей жили в условиях постоянного недоедания. «Помочь могло только уменьшение населения. И оно должно было произойти – в результате вымирания от голода и эпидемий, кровопролитных войн или, наконец, в результате всего этого вместе... Невидимый дирижер “господин Голод” сделал свое дело и еще продолжает его делать. Война же вызвана, если и не исключительно им, то все равно *позволяет старику Мальтусу торжествовать: его теория, если и не в деталях, то, по крайней мере, в основных ее тезисах подтверждается*» (Сорокин 2003: 305–306).

Послевоенные годы ознаменовались попытками найти теоретическое подтверждение мальтузианской концепции. Мальтус полагал, что падение темпов роста населения с уменьшением потребления является законом природы, и в 1920-х гг. эта связь была подтверждена биологическими экспериментами. Американский биолог и демограф Раймонд Пирл показал, что изменение численности популяций некоторых видов животных описывается так называемым логистическим уравнением. Решением этого дифференциального уравнения является логистическая кривая (рис. 2).

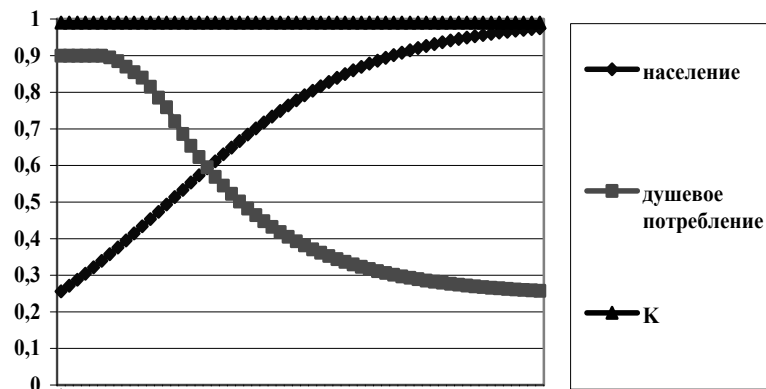

Рис. 2. Логистическая кривая и кривая душевого потребления

Поведение логистической кривой показывает, что поначалу, в условиях высокого потребления, численность популяции быстро возрастает. При избытке ресурсов рост популяции может какое-то время не сопровождаться падением потребления, но затем проявляется нехватка пищи и потребление начинает падать. Падение потребления приводит к замедлению роста населения, и, в конечном счете, численность населения стабилизируется вблизи асимптоты, соответствующей максимально возможной численности при минимальном потреблении – так называемой емкости экологической ниши. Это состояние «голодного гомеостазиса» в действительности оказывается неустойчивым, колебания природных факторов могут привести к резкому уменьшению численности популяции, после чего начинается период восстановления в новом цикле. Таким образом, «логистические циклы» в популяциях животных имели, в принципе, ту же природу, что и мальтузианские демографические циклы. Впоследствии теория популяционных циклов стала одним из важных разделов новой науки – экологии; она привлекалась последователями Мальтуса как один из аргументов, подтверждающих его теорию.

Мальтус пытался выявить постулированные им циклы в реальной истории и, привлекая данные о реальной заработной плате в Англии в XVI и XVIII вв., утверждал, что падение потребления в эти периоды, должно быть, объясняется ростом населения. Однако состояние демографической статистики в XIX в. не позволяло подтвердить теорию с помощью реальных данных о численности

населения в странах Европы. Традиция проведения переписей населения с давних времен существовала лишь в Китае. В 1933 г. работавший в Харбине русский экономист Е. Е. Яшнов опубликовал небольшое исследование «Особенности истории и хозяйства Китая». Ссылаясь на выявленную Д. С. Ли цикличность внутренних войн в Китае, Яшнов объяснил эту цикличность действием демографического фактора и дал первое описание механизма демографического цикла в истории человеческого общества. Голод, эпидемии и войны в конце предыдущего цикла резко сокращают численность населения, поэтому в начале нового цикла крестьяне пользуются относительным земельным простором и сравнительным достатком. В благоприятных условиях численность населения начинает быстро расти, и через некоторое время все заброшенные ранее поля оказываются распаханными, снова обнаруживается недостаток пахотных земель. Размеры наделов уменьшаются, арендная плата растет, крестьянское хозяйство теряет устойчивость, в годы голода крестьяне продают землю ростовщикам и помещикам. В деревне растет помещичье землевладение; разоренные крестьяне пытаются прокормиться ремеслом, уходят в города. Города растут, но вместе с тем растет число голодных и нищих. В конце концов, голод приводит к крестьянским восстаниям, к попыткам передела земель, внутренним войнам. Разрушение ирригационных систем в ходе войн еще более усиливает голод, начинаются эпидемии, и бедствия сливаются в катастрофу, которая губит большую часть населения.

Для европейских стран недостаточно данных о численности населения, однако имелись данные о другом параметре колебательного экономического процесса – ценах. Пионером статистического изучения ценовых колебаний стал французский исследователь Франсуа Симиан. В работе Симиана, опубликованной в 1932 г., было введено понятие «вековой тенденции», цикла, состоящего из фазы роста цен (фазы А или повышательной тенденции) и фазы убывания цен (фазы В или понижательной тенденции). Симиан обнаружил в XVI в. повышательную тенденцию, а в XVII в. – понижательную тенденцию, но он не связывал эти ценовые тенденции с демографической динамикой. Продолжая разработку идей Симиана, Эрнест Лабрусс в 1933 г. опубликовал более детальное исследование динамики цен и заработной платы во Франции – но так же вне свя-

зи с демографией. В 1934 г. немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период «повышательной тенденции» в XIII – начале XIV в., сменившийся затем понижательной тенденцией в XV в. и снова повышательной тенденцией в XVI – начале XVII в. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и – как можно было судить по данным об отдельных областях – относительным ростом населения, периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо, в том смысле, что именно рост населения вызывает рост цен и падение заработной платы, а уменьшение населения вызывает обратные следствия. Однако немецкий историк считал, что падение численности населения в середине XIV в. было вызвано не перенаселением, а случайным и внешним фактором – эпидемией «Черной смерти» 1348 г.

Работы В. Абеля нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Лондонский журнал «Ревю экономической истории» ввел рубрику «Ревизия экономической истории», в которой публиковались статьи, посвященные анализу экономических процессов XIII–XV вв. и связи этих процессов с динамикой численности населения. Надо сказать, что до этого времени вопрос о масштабах потерь, принесенных «Черной смертью», был далеко не ясным (см. об эпидемии также предыдущую главу настоящего издания). В отсутствие статистических данных многие специалисты были склонны приуменьшать эти потери; преобладала точка зрения, что, несмотря на отдельные проблемы, экономика XIV столетия в целом развивалась поступательно. Работы М. Постана, К. Киполлы, К. Хеллинера, Д. Салмарша, Е. Перри, Ф. Лютге, Э. Кельтера и других историков на материале различных европейских стран показали истинные масштабы катастрофы. Прояснилась связь экономической динамики с ростом населения: было показано, что рост населения служил движущей силой роста экономики, что увеличение численности крестьян заставляло их производить распашки и осваивать новые земли; безземельные крестьяне уходили в города, что приводило к росту городов и ремесел. Сокращение численности населения, в свою очередь, вело к запустению деревень и сокращению пахотных земель. Возникло понятие «кри-

зис XIV века», количество работ, посвященных данной тематике, быстро росло.

Следующий шаг в апробации мальтузианско-рикардианской теории был сделан английским историком Майклом Постаном. М. Постан показал, что катастрофа середины XIV в. не была случайностью, что уже в начале этого столетия сельское хозяйство не могло прокормить растущее население, и голод 1310-х гг. был первым симптомом наступившего перенаселения. М. Постану и Д. Титову удалось доказать, что после 1300 г. наметились рост смертности и замедление демографического роста, которые объяснялись падением уровня жизни, что именно падение уровня жизни и постоянные голодовки подготовили почву для губительной эпидемии (Postan 1973). Позднее было показано, что сокращение численности населения в начале XIV в. (до эпидемии) имело место и в других странах. Таким образом, демографический цикл XI–XIV вв. получил вполне мальтузианскую трактовку, зафиксированную в шестом томе «Новой кембриджской истории средних веков».

Еще одна проблема, стоявшая перед историками, заключалась в том, как судить о численности населения в отсутствие надежных статистических данных. В работе 1950 г. Майкл Постан приводит свидетельства о резком увеличении реальной заработной платы, о падении цен и ренты после 1348 г. и затем делает вывод о больших масштабах демографической катастрофы. Здесь мы впервые видим пример обращения к теории Мальтуса – Рикардо, когда, исходя из поведения экономических показателей, делается вывод о динамике численности населения. Впоследствии этот вывод был подтвержден данными демографии.

В 1950-х гг. исследованием вековых тенденций занималось большое число историков в различных странах. На X Международном конгрессе исторических наук в 1955 г. группа исследователей – М. Молла, М. Постан, П. Йогансен, А. Сапори и Ш. Верлинден – представила новое видение истории позднего средневековья с точки зрения теории вековых тенденций. Одним из крупных достижений этого периода была работа Ф. Брауна и Ш. Хопкинса, построивших временные ряды цен и реальной заработной платы в Англии. График, построенный ими, был сопоставлен В. Абелем и Б. Сликером ван Батом с динамикой численности населения, и в результате получилась картина, близко напоминающая теоретические построения Мальтуса и Рикардо. Мы приводим ниже ва-

риант графика Абея с использованием последних данных о численности населения Англии. На рис. 3 к этому графику добавлена кривая емкости экологической ниши (K), которая равна тому количеству населения, которое может проживать на данной территории при распашке всех пригодных для обработки земель, средней для данного периода урожайности и потребления по минимально возможной норме.

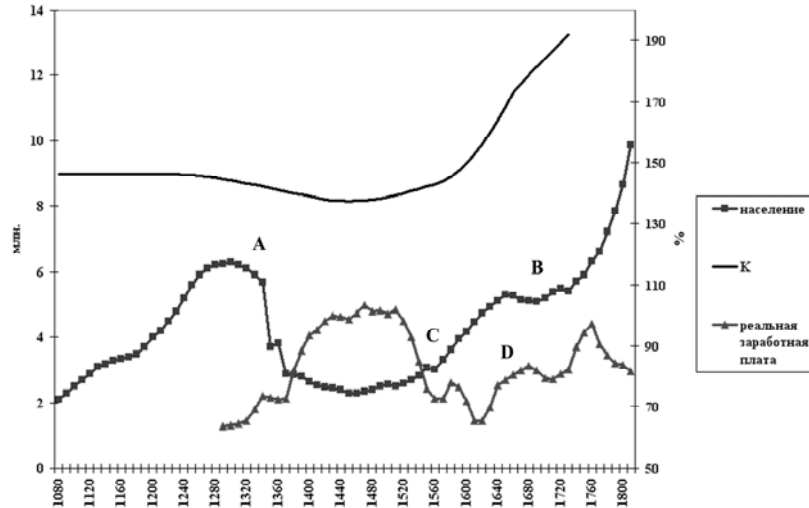

Рис. 3. Численность населения и уровень потребления в Англии XII–XVIII вв. За уровень потребления взят усредненный по 30-летиям уровень реальной заработной платы лондонского каменщика (средний уровень XV в. принят за 100)

В традиционном обществе урожайность и емкость экологической ниши остается постоянной на протяжении многих столетий, и это жесткое ограничение придает демографическим кризисам катастрофический характер. Как показывает рис. 3, первый глобальный демографический кризис (обозначенный на графике буквой А) разразился в середине XIV в., он был ознаменован голодом, страшной пандемией чумы и крестьянским восстанием 1381 г. Кризис привел к гибели более чем половины населения Англии; в результате сокращения населения уровень потребления увеличился почти вдвое. После того как утихли эпидемии и стабилизировалась политическая обстановка (примерно с 1480 г.), население стало расти, и уча-

сток С на графике подобен классической картине демографического цикла: население растёт, а потребление падает.

К 1600–1630 гг. потребление упало примерно на 40 %, до критического уровня, на котором начался предыдущий кризис. Однако в это время начались аграрные преобразования, сопровождавшиеся повышением урожайности и расширением экологической ниши (участок D). Потребление стало увеличиваться – но экосистема все же не успела выйти из зоны неустойчивости, и Англии не удалось избежать кризиса, который ознаменовался гражданской войной середины XVII в. и последующими эпидемиями (этот кризис обозначен на графике буквой В). Однако благодаря расширению экологической ниши катастрофы на этот раз не произошло, имело место лишь небольшое уменьшение численности населения, а затем – длительная демографическая стагнация. За счет продолжающегося увеличения урожайности уровень потребления в этот период значительно вырос и почти достиг уровня, установившегося после первой катастрофы. Увеличение потребления способствовало возобновлению быстрого роста населения после 1730 г. В этот период рост урожайности уже не мог компенсировать рост населения, и уровень потребления стал падать.

В 1950–1960-х гг. XX в. мальтузианская теория циклов нашла подробное отражение в обобщающих трудах Б. Сливера ван Бата, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню (о школе «Анналов» см. главу 5 настоящего издания). В 1958 г., подводя итог достижениям предшествующего периода, редактор «Анналов» Фернан Бродель заявил о рождении «новой исторической науки». «Новая экономическая и социальная история на первый план в своих исследованиях выдвигает проблему циклического изменения, – писал Ф. Бродель, – она заморожена фантомом, но вместе с тем и реальностью циклического подъема и падения цен». В 1967 г. вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках» (см. о труде Броделя также главы 7 и 11 настоящего издания).

«Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, – писал Фернан Бродель, – то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 г., еще один с 1450 по 1650, и еще

один, за которым уже не суждено было последовать спаду – с 1750 г. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной...» (Бродель 1986: 42–44).

Из других наиболее известных изданий 1960-х гг. следует отметить книгу Эммануэля Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока», которая является наиболее полным исследованием социально-экономических процессов во французской деревне на основе концепции демографических циклов и вековых тенденций. В 1967 г. вышел в свет четвертый том «Кембриджской экономической истории Европы», в котором теория вековых тенденций представлена в разделах, написанных Ф. Броделем, Ф. Спунером и К. Хеллинером.

В 1970-х гг. теория демографических циклов получает освещение в энциклопедических многотомных изданиях, таких как «Экономическая и социальная история Франции», «История Италии». В это время выходят в свет обобщающие работы М. Постана «Средневековая экономика и общество», «Очерк средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики». В 1976 г. известный историк и экономист Рондо Камерон в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общее признание (Cameron 1976: 32).

В этот период теория демографических циклов рассматривалась в рамках «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «большими аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо.

Большое теоретическое значение имело появление в 1981 г. исследования А. Ригли и Р. Шофилда «История населения Англии». Авторы восстановили динамику численности населения Англии с 1541 г. и использовали полученные данные как экспериментальный тест для проверки теоретических положений мальтузианской

теории. В результате этого исследования были математическими методами подтверждено наличие постулированной Мальтусом и Рикардо тесной связи между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. Однако после того как английская индустриализация сделала заметные успехи, и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла. Таким образом, заключают А. Ригли и Р. Шофилд, *сфера приложения мальтузианской теории должна быть ограничена традиционным допромышленным обществом*. Это важное обстоятельство отмечалось историками и раньше, и в частности, Э. Ле Руа Ладюри называл Мальтуса «пророком прошлого» – в том смысле, что его теория перестала действовать вскоре после опубликования его книги.

Как отмечал Р. Шофилд, важное преимущество теории Мальтуса состояло в том, что она *делала возможным аналитическое описание постулированных закономерностей и построение экономико-математических моделей, описывающих реалии прошлого*. В 1978 г. известный экономист Рональд Ли провел экономико-математический анализ данных Ф. Брауна и Ш. Хопкинса и пришел к выводу о том, что они соответствуют постулатам Мальтуса. Постулаты мальтузианско-рикардианской теории были использованы в ряде появившихся в это время глобальных экономико-демографических моделей, в том числе в моделях Д. Форрестера, Д. Медоуза, М. Месаровича и Э. Пестеля.

Обостренное внимание уделялось связи мальтузианской теории с проблемой аграрного перенаселения в развивающихся странах. В 1960–1970-х гг. XX в. густонаселенные страны «третьего мира» были охвачены социальными и национально-освободительными революциями, восстаниями и войнами – эти события вновь продемонстрировали, что перенаселение и голод порождают войны и социальные конфликты. Видные демографы У. Фогт, Г. Бутуль, Ж. Стассар доказывали, что нищета и политическая нестабильность являются следствием охватившего «третий мир» «демографического взрыва». В 1966 г. конгресс США обусловил предоставление американской продовольственной помощи принятием мер по контролю за рождаемостью. В течение следующих десяти лет 39 стран, на территории которых проживало более 80 % населения третьего мира, провозгласили мероприятия по контролю за рождаемостью

своей официальной политикой. В 1972 г. Римский клуб – собрание крупнейших ученых Европы – опубликовал подготовленный Д. Медоузом доклад «Пределы роста», в котором на основании анализа математической модели утверждалась неизбежность демографической катастрофы в XXI в. Доклад «Римского клуба» произвел большое впечатление на мировую общественность. В 1974 г. был объявлен ООН «Всемирным годом народонаселения», в этом году был проведен Всемирный конгресс народонаселения и организован Институт наблюдения за миром во главе с известным экономистом Лестером Брауном. Этот институт призван следить за мировой продовольственной безопасностью и формулировать условия оказания продовольственной помощи в целях предотвращения голода и революции. Было произведено обследование уровня и структуры питания населения различных стран мира и определены страны, которым угрожает голод. Уже перечисление двадцати хронически голодающих стран мира – Мали, Эфиопия, Чад, Гаити, Индия, Бангладеш, Непал, Гана, Зимбабве, Ангола, Южный Йемен, Гватемала, Замбия, Мозамбик, Сомали, Афганистан, Камбоджа, Лаос – показало, что между голодом и социальными конфликтами существует взаимная корреляция: половина из этих государств стала впоследствии ареной восстаний и революций. Последователи мальтузианской теории стремились использовать для объяснения этих событий исторический опыт. В капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и XVII вв., исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира (Grigg 1980). Как видно из графика на рис. 4, построенного по данным ФАО, динамика населения и потребления в обширном регионе Центральной Африки во второй половине XX в. имела мальтузианский характер: рост населения сопровождался падением потребления (см. также: Коротаяев и др. 2005).

Среди изданий 1980-х гг. мы можем отметить также книгу Ф. Броделя «Что такое Франция? Люди и вещи» и популярный учебник Р. Камерона «Краткая экономическая история мира» – обе эти книги переведены на русский язык. Помимо трех описанных выше демографических циклов, Ф. Бродель и Р. Камерон рассматривали демографические циклы античности и раннего сред-

невековья, таким образом, была сделана попытка представить всю историю Европы в виде чередующихся демографических циклов и объяснить социальные явления, исходя из демографических закономерностей.

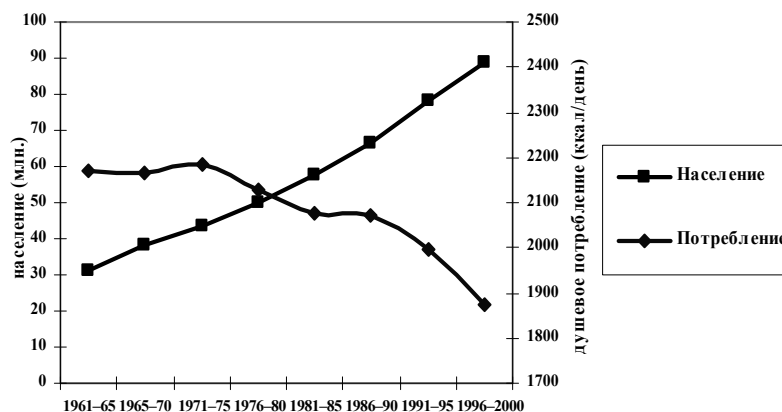

Рис. 4. Население и потребление в Центральной Африке

Как отмечалось выше, Ф. Бродель утверждал, что Восток колебался в ритме демографических циклов синхронно Западу. Основанием для этого утверждения было обнаружение турецким историком О. Барканом демографического цикла в Османской империи, синхронного европейскому циклу конца XV – начала XVII вв. Однако Р. Камерон подвергал критике этот тезис Ф. Броделя, указывая на недостаток исследований по этой тематике. До сравнительно недавнего времени изучение этого вопроса ограничивалось работами израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке в раннее средневековье, а также несколькими исследованиями, с разной степенью подробности, рассматривавшими демографические циклы в Китае. Один из китайских демографических циклов, цикл эпохи Цин, был детально описан в монографии известного российского востоковеда О. Е. Непомнина (2005).

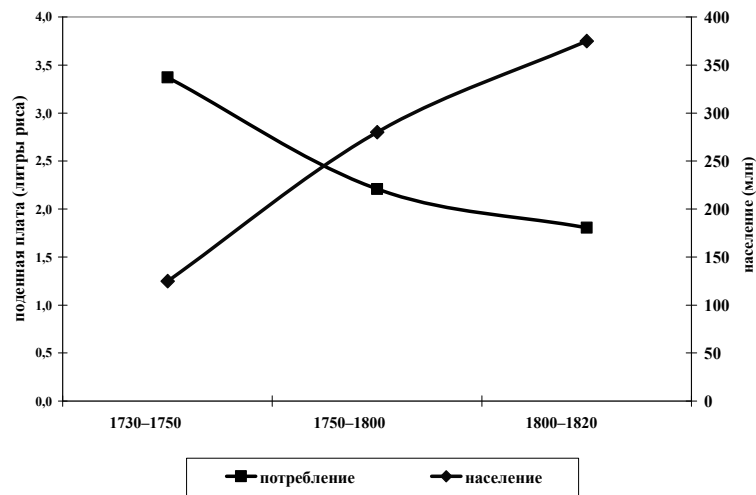

Рис. 5. Население и потребление в Китае эпохи Цин

Новым крупным шагом в развитии концепции демографических циклов стало появление демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна (Goldstone 1991). В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру — «народ», «государство» и «эли́ту» — анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается Дж. Голдстоуном, в основном, так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания.

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных вос-

станий и заговоров элиты. Все эти обстоятельства, в конечном счете, приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства.

Важным моментом демографически-структурной теории является учет распределения ресурсов и борьбы за ресурсы в структуре «государство-народ-элита». В своем исследовании Дж. Голдстоун обобщил материалы, полученные путем изучения социально-политических кризисов XVII в. в Англии, Франции, Китае, Османской империи, а также кризисов конца XVIII–XIX вв. во Франции, Германии, Китае, Японии. Нужно отметить, однако, что Дж. Голдстоун считал, что демографические циклы имеют экзогенный характер и как рост, так и уменьшение численности населения объясняется благоприятными или неблагоприятными эпидемиологическими и климатическими изменениями. В дальнейших исследованиях анализ Дж. Голдстоуна был расширен путем привлечения дополнительных данных по Западной Европе и исследования демографических циклов в России. Авторы новых работ доказывают эндогенный, мальтузианский характер демографических циклов, и приходят к выводу, что демографически-структурная теория не противоречит мальтузианству, а является его эффективным расширением, позволяющим учесть структурные взаимодействия (Turchin, Nefedov 2009).

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей (см. главу 23). Результаты математического моделирования указывают на принципиально различную демографическую динамику в различные периоды и в сочетании с данными исторических источников помогают выделить фазы демографического цикла.

Первая фаза цикла – это *период внутренней колонизации* (или *фаза роста*). Для этого периода характерны *наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества.*

После исчерпания ресурсов свободных земель наступает вторая фаза, *период Сжатия* – этот термин предложен известным турецким историком Халилом Инальчином. Для фазы Сжатия характерны *отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, вы-*

сокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения, ограниченность демографического роста подъемом урожайности, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, стихийное ограничение рождаемости, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, тенденция к увеличению централизации и установлению этактистской монархии, попытки увеличения продуктивности земель, в частности, с помощью ирригации и мелиорации, поощрительная политика в области колонизации и эмиграции, ввоз продовольствия из других стран (или районов), внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления. Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису.

Третья фаза демографического цикла – это фаза **экосоциального кризиса**; для этого периода характерны голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этактистскую монархию.

После третьей фазы в некоторых случаях имеет место период депрессии или интерцикл – период социальной нестабильности, внутренних конфликтов и внешних войн, в течение которого могут наблюдаться повторные экосоциальные кризисы. Новый демографический цикл начинается лишь после того как прекращаются

войны и восстанавливается государственная и общественная стабильность.

Таким образом, анализ демографических циклов с помощью математических моделей, в совокупности с данными источников и исследованиями специалистов, позволяет выделить более 50 характерных признаков различных фаз демографического цикла. Фиксируя эти признаки в реальной истории конкретной страны, мы можем во многих случаях выделять демографические циклы даже при отсутствии данных о численности населения. Этот метод аналогичен методу распознавания образов в математике, когда по частным признакам определяется принадлежность исследуемого объекта или явления к определенному классу. Как отмечалось выше, он впервые был использован М. Постаном, который на основании данных о ценах, ренте и реальной заработной платы сделал вывод о резком падении численности населения Англии в середине XIV в. Использование этого метода позволило исследователям выделить большое число демографических циклов в истории различных стран. Имеют место и попытки выделения демографических циклов в истории России. Согласно версии сторонников неомальтузианской концепции, в истории России имели место два демографических цикла. Первый из них начался в середине XV в. и закончился демографической катастрофой в 1570-х гг. Вслед за катастрофой пришел период социальной нестабильности, интерцикл, завершившийся повторным экосоциальным кризисом – «смутой» начала XVII в. После окончания «смуты» начался период восстановления в новом цикле, который сопровождался освоением присоединенных к России земель Черноземного региона. Внутренняя колонизация продолжалась до середины XIX в., когда вновь стала ощущаться нехватка земли. В конце концов, аграрное перенаселение привело к масштабному экосоциальному кризису – революциям 1905 и 1917 гг. (Turchin, Nefedov 2009).

Рекомендуемая литература

Бродель Ф. 1986–1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв.*: в 3 т. М.

Камерон Р. 2001. *Краткая экономическая история мира: От палеолита до наших дней.* М.: РОССПЭН.

- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны.* М.: КомКнига.
- Мальтус Т. Р. 1993.** Опыт о законе народонаселения. *Антология экономической классики* / Сост. И. А. Столярова. Т. 2. М.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С. А. 2010, 2011.** *История России. Факторный анализ:* в 2 т. М.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* London: Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Turchin P., Nefedov S. A. 2009.** *Secular Cycles.* Oxford and Princeton: Princeton University Press.